

Дружба

1989
4

ВСПОМНИМ ГЕНЕРАЛА ГРИГОРЕНКО!

Оказывается, в 30-е годы существовало сопротивление сталинской диктатуре. Группа Сырцова, Рютина, Смирнова... Однако создается впечатление, что Брежневу не противостоял никто. Даже деятельность А. Д. Сахарова замалчивается... А ведь перестройка началась не с Горбачева. Сколько их было, противников брежневщины! Академик Юрий Орлов, Валерий Чалидзе, Синявский, Гинзбург, Якир, Красин, Литвинов, генерал Григоренко, писатель Анатолий Марченко, Феликс Светов... Режим Брежнева жестоко боролся с ними. Одних выслали, других бросали в лагеря... Многих уже нет в живых. Особенно привлекает внимание фигура генерала Петра Григорьевича Григоренко. Герой войны, преподаватель академии, имевший все блага и привилегии элиты, — все это он презрел, в одиночку вел борьбу и умер в одиночестве в Америке, после тюрьмы, лагерей и психушки... Восхищение и преклонение перед мужеством его вызывает этот пламенный революционер и поборник прав человека!.. Мы думаем, что следует рассказать о людях сопротивления брежневщине. Нет, народ не безмолвствовал в мрачные годы Золотых звезд; были люди, боролись! Нельзя, чтобы память о них стерлась. Мы помним презренные имена Сталина, Берии, Жданова, Брежнева... Как можно оставлять в забвении их мужественных противников?!

Вот что я хотел предложить вашему журналу: расскажите о героях — борцах сопротивления, предтечах эпохи перестройки.

*Михаил ГОСТЕВ,
г. Воронеж*

СОФЬЯ КАЛИСТРАТОВА — ОДНА ИЗ НЕМНОГИХ АДВОКАТОВ, РЕШИВШИХСЯ ЗАЩИЩАТЬ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ В 60-80-Е ГОДЫ

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 32, 6 августа 1989 г.

13

И сегодня, после почти тринадцати лет вне адвокатской практики, Софья Калистратова остается одним из наиболее уважаемых московских адвокатов. 33 года в адвокатуре — до вынужденного ухода в 1976-м. Защита в политических процессах правозащитников Хаустова, Делоне, Горбаневской, Яхимовича, генерала Григоренко... Участие в Хельсинкской группе — до ее роспуска в 1982-м. Всящее над ней 7 лет уголовное дело, прекращенное в 1988-м. В ее судьбе отразилась история развития правозащитного движения в СССР в 60—80-е годы. Сегодня эта уже немолодая женщина считает своим долгом участвовать в восстановлении справедливости в отношении всех необоснованно осужденных правозащитников тех лет.

ТАКОЕ БЫЛО ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ

Вспоминает адвокат советских
правозащитников

Софья Калистратова со своим подзащитным генералом Григоренко.

CODE: СССР

ITEM: С. КАЛИСТРАТОВА (2)

ОДИН ВПОЛНЕ уважаемый мною адвокат как-то в 60-е годы признался: «Вы можете меня презирать, но говорю откровенно: я боюсь». Я не презираю его. Такое было тяжелое время.

Для адвокатов оно началось значительно раньше 60-х годов. В 1917 году наряду со многими другими институтами была временно распущена и коллегия адвокатов. И все же если до середины 30-х годов можно было говорить о какой-то состязательности в уголовных процессах, то впоследствии роль адвоката и в уголовных, и тем паче в политических процессах была сведена к чистой фикции. Это сказало не только в годы сталинского террора, но и позднее — вплоть до начала 80-х, когда трехминутное стояние на площади с плакатом «Свободу слова! Свободу Сахарову!» заканчивалось для смельчака семью годами лагерей. Так, например, произошло в Махачкале с Вазифом Меелановым, отбывшим свои семь лет «от звонка до звонка».

ЗАЩИЩАТЬ правозащитников решались очень немногие, поскольку полноценное и принципиальное участие в политическом процессе требовало от адвоката не только профессионализма, но и обнажения собственной гражданской позиции. И в тех условиях каждый из нас прекрасно понимал, чем это чревато. Поэтому многие под различными предлогами отказывались от участия в таких делах. Другие соглашались, но лепетали в судах жалкие слова о смягчении наказания людям, не признающим себя виновными, хотя это противоречило не только адвокатской этике, но и закону — презумпции невиновности! Напомню, что хорошие московские адвокаты, защищавшие Даниэля и Синявского, просто не решились выразить в суде свою позицию по делу и просить об оправдании их подзащитных, не признававших себя виновными по статье 70 — антисоветская агитация и пропаганда. Они лишь сказали, что у их подзащитных не было умысла на подрыв и ослабление Советской власти, и попросили суд учесть сказанное при вынесении приговора. Конечно, это было результатом давления на них, но многое, безусловно, зависело от степени послушности и страха самих адвокатов.

Власти предельно «упростили» проблему с адвокатами по политическим делам: по написанному закону к защите по статье 70 допускались не все защитники, а только имеющие «допуск», то есть включенные в списки, согласованные с КГБ. Я, например, как и ряд моих коллег, занимавших в суде

принципиальную позицию, этого «допуска» не имела. Но мы могли защищать по статьям 190¹ и 190² (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, и организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок). Позднее «допуск» требовался и по ним. Практически бесправие адвокатов оборачивалось полной беззащитностью подсудимых в процессах.

Не знаю об адвокатах из других городов, но среди московских немногие решались на принципиальную и независимую защиту «политических». Это были люди, сделавшие свой выбор, знавшие ему цену и заплатившие ее сполна. Это относится к Борису Золотухину — одному из лучших наших адвокатов. Свою защиту Александра Гинзбурга он начал словами: «Товарищи судьи, я имею честь защищать Александра Гинзбурга». Его обвиняли в антисоветской агитации и пропаганде за составление и распространение самиздатского сборника материалов по делу Даниэля и Синявского — так называемой «Белой книги». Фактически ему вменялась 70-я статья за то, что он позволил себе не согласиться с осуждением невиновных людей. За свою принципиальную и с правовой точки зрения абсолютно обоснованную защиту Гинзбурга Борис Золотухин был исключен из Московской коллегии адвокатов в конце 60-х и восстановлен лишь спустя 20 лет (!) — в прошлом году.

Дину Каминскую — талантливого и смелого адвоката — вынудили уйти из адвокатуры. У нее провели обыск, пригрозили привлечением к уголовной ответственности, а в конце концов просто заставили покинуть страну.

СО МНОЙ поступили проще и «гуманнее»...

1967 год — мое первое дело по статье «за активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок». Судили рабочего Хаустова за участие в митинге в защиту арестованных по делу Гинзбурга. В перерыве перед защитительной речью меня вызывает секретарь суда в совещательную комнату. Там — судья, заседатели, прокурор и некто в штатском... Судья меня спрашивает, что я собираюсь говорить. Я отвечаю: «Вы услышите это через десять минут». «Штатский» замечает, что лучше договориться об этом сейчас. Я, разумеется, отказываюсь. Через несколько минут в своей речи я обоснованно доказываю отсутствие состава преступления в действиях Хаустова и прошу

CODE:

ИТЕМ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛА ГРИГОРЕНКО

-1-

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 50, 10 декабря 1989 г.

СТР. 16.

«СУМАСШЕДШИЙ» ШТРИХИ к портрету Петра Григоренко ГЕНЕРАЛ

10 декабря — День прав человека. Трудная это дата для нашей страны: в ней всегда будут сплетаться прошлое, настоящее и будущее народов Советского Союза, людские жизни. Да, мы встали на путь гуманизации общества, но, чтобы идти по нему вперед, нам придется постоянно оборачиваться назад: от чего уходим, много ли пройдено? Попытка дать ответы на эти вопросы и предлагаемый читателям рассказ об одной человеческой судьбе — одной из многих.

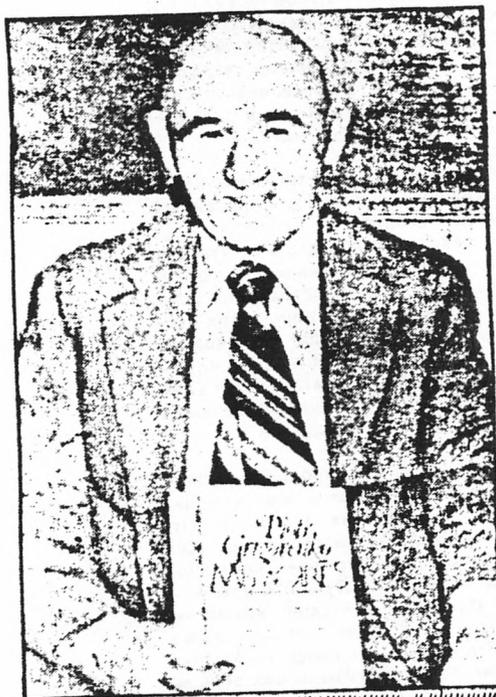
«Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев... Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик гарантирует, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране. Верховный Совет СССР считает необходимым принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям.»

Из Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Москва, ноябрь, 1989 год.

«Скоро исполнится четверть века с тех пор, как ваш народ был выброшен из собственных жилищ, изгнан из земли своих предков и загнан в резервации, в такие условия, в которых гибель всей крымско-татарской нации казалась неизбежной... Потеряв 46 проц. своего состава, он начал постепенно набирать силы и вступать в борьбу за свои национальные и человеческие права... Чтобы покончить с ненормальным положением, вам надо твердо усвоить — то, что положено по праву, не просят, а требуют.»

Петр ГРИГОРЕНКО. Из обращения к крымским татарам 17 марта 1967 года.

Так изменилась наша жизнь, что крамольные в 1967-м речи опального генерала Петра Григоренко созвучны сегодняшнему покаянию на государственном уровне. Реабилитируя народы сегодня, мы фактически реабилитируем и таких, как Петр Григоренко.

Петр Григоренко с книгой воспоминаний, изданной во Франции.

КОНЕЦ ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

Первая запись в послужном списке Петра Григоренко датирована 1931 годом, последняя — 1964-м. 33 года отданы армии и лишь последние 16 лет жизни в СССР — правозащитному движению. И тем не менее эта фигура значима именно в контексте 60—70-х, а не 40—50-х, на которые приходится расцвет его военной карьеры. А то, что она была блестящей, признают и други, и недруги бывшего генерала. 33 года вобрали в себя учебу в Военно-инженерной академии им. Куйбышева и Академии Генштаба, бои на Халхин-Голе и Дальневосточный фронт, 2-й Прибалтийский и 4-й Украинский фронты. Послужной список прерывается записями «на излечении после ранения». Войну он заканчивает полковником. Потом — работа в Военной академии им. М. В. Фрунзе, присвоение звания генерал-майора и до 12.09.1961 — начальник кафедры оперативно-тактической подготовки в академии.

За пять дней до этой даты генерал поставил точку в своей военной карьере, заявив с трибуны партконференции Ленинского района Москвы, что существует опасность возрождения культа личности. «Есть какие-то недостатки в самой организации постановки всего дела партии, которые позволяют это...» Позднее, когда вполне благополучный в прошлом генерал стал одним из создателей хельсинкских групп на

CODE:

- 2 -

ИТЕМ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛА ГРИГОРЕНКО

"МОСКОВСКИЕ НОВСТИ" №50, 10.12.89

Украине и в Москве, сформировавшейся и заметной фигурой отечественного инакомыслия, он без восторга будет вспоминать то свое высказывание. «Выступление беззубое, поверхностное и не поднимающее главных вопросов», — напишет он в воспоминаниях.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

3 а «беззубым» выступлением последовали куда более зубастые листовки, которые Григоренко писал вместе с сыновьями и раздавал у проходных заводов. Первая появилась в 1963 году и сообщала о создании «Союза борьбы за возрождение ленинизма». В остальных затрагиваются самые разные закрытые тогда темы: от расстрела в Новочеркасске и Тбилиси до перерождения профсоюзов, от необходимости свободных выборов до сменяемости всех должностных лиц, вплоть до высших. Власти нашли легкий и страшный выход: а генерал-то сдвинулся...

Его арестовали в феврале 1964-го, а уже в апреле комиссия Института судебной психиатрии им. Сербского признала его психически невменяемым. В июне Военная коллегия Верховного суда СССР (в отсутствие «сумасшедшего» в зале суда) постановила: невменяем, принудительное психиатрическое лечение. В том же году его исключили из партии. Сентярем 1964 г. датирована последняя запись в послужном списке Петра Григоренко: «Исключен из списков офицерского состава Вооруженных Сил СССР как дискредитировавший себя и недостойный в связи с этим звания генерала». И — солдатская пенсия в 20 рублей, от которой он отказался.

В «психушку» (ленинградскую спецпсихбольницу) его отправляют как больного, а разжалуют (уже после установления диагноза) как здорового.

Из воспоминаний Петра Григоренко (здесь и далее цитаты по книге «В подполье можно встретить только крыс...»):

«Я все тверже становился на ту точку зрения, что существует секретно узаконенный порядок превращения инакомыслящих в сумасшедших. Привлеченные к этому врачи психиатры не заблуждаются, а сознательно совершают преступления... Говорят, что кагебистским является только одно отделение (Института Сербского. — Н. Г.) — то, которое ведет экспертизу по политическим делам. Может ли психиатрическая экспертиза по политическим делам быть объективной, если и следователи, и эксперты подчиняются одному и тому же лицу, да еще связаны и военной дисциплиной?»

НЕСТИ СВОЙ КРЕСТ...

В апреле 1965-го Григоренко вышел на свободу, сделав для себя вывод: в подполье можно встретить только крыс, борьба должна быть открытой. «Тот, кто сейчас хочет бороться с произволом, должен уничтожить в себе страх к произволу, должен взять свой крест и идти на Голгофу. Пусть люди видят, и тогда в них проснется желание принять участие в этом шествии», — напишет он потом.

Свое место в этом движении Петр Григоренко занял, отстаивая права крымских татар. В то же время он печатался в «самиздате», выступал против репрессий, обрушившихся на диссидентов, осуждал оккупацию Чехословакии в 1968-м. В его доме на Комсомольском про-

спекте, как вспоминают друзья, всегда было многолюдно: украинцы и крымские татары, близкие друзья и люди малознакомые.

В конце 60-х ситуация вокруг крымских татар становилась взрывоопасной. Тысячи их съехались в Симферополь с требованием получения прописки.

Из воспоминаний Петра Григоренко:

«Весь день ходил я среди крымских татар... Сердце кровью обливалось при виде этих людей... Надо было видеть это множество полуголых грязных детишек, спящих на цементном полу вокзала и аэропорта... А как тем, кто спит на голой земле в скверах... Жесточкая, бездушная власть. В любой демократической стране правительство, создавшее подобную обстановку, не продержалось бы и трех дней... Из вокзала и аэропорта начали выгонять перед рассветом... Пока я жив, не забуду эту картину. Не забуду и не прошу — не только властям, отдавшим такое распоряжение, но и тем простым «советским людям», что согласились выполнять это дикое распоряжение».

ПОСЛЕДНИЙ АРЕСТ

1989 год, Ташкент, куда Григоренко приехал как общественный защитник на процесс десяти крымских татар, требовавших права жить на родине. Судя по воспоминаниям, вызов на процесс оказался провокацией. 7 мая его арестовали. Адвокатом Григоренко выступала верный друг его семьи Софья Калистратова.

Софья Калистратова:

«Я вылетела в Ташкент, когда были проведены уже две психиатрические экспертизы. Первая, ташкентская, была амбулаторной и признавала его вменяемым. Вторую провели в Институте им. Сербского. Диагноз — болен».

Из показаний покойного профессора Лунца в судебном процессе над Григоренко (по записям адвоката Калистратовой — 1970 г.): «Григоренко страдает психическим заболеванием в форме параноического развития личности с болезненными идеями реформаторства, которые в начале развития заболевания носили сверхценный характер и переросли в дальнейшем в бредовые параноические идеи...»

Софья Калистратова:

«Содержали Григоренко в местном изоляторе КГБ, но под охраной специально выписанных для этой цели лейтенантов из Лефортово».

Все судебное действие проходило в отсутствие «невменяемого». Причем знакомились я с обвинением по статье 190¹ — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй. А в зале суда неожиданно выяснилось, что судить его будут по 70-й, ч. 1 — антисоветская агитация и пропаганда (до семи лет лишения свободы). Это чудовищное нарушение закона. И таких на следствии и в суде было 49!

Я требовала назначения контрольной экспертизы в суде, поскольку в деле имелись два противоположных заключения экспертов. Отказ. Я ходатайствовала о вызове в суд всех членов ташкентской экспертной комиссии. Отказ. Вместо этого вызвали Лунца. А потом — лишь одного члена ташкентской комиссии, Детенгофа, который в суде присоединился к заключению Института им. Сербского. Я спросила его: «С момента экспертизы по сей день вы видели Григоренко?» — «Нет». — «Имели в рас-

11.12.89

DAY MONTH YEAR

No.

F-693 27

CODE:

ITEM:

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛА ГРИГОРЕНКО

"МОСКОВСКИЕ НОВСТИ" №50, 10.12.89

-3-

поряжении дополнительные медицинские документы?» — «Нет». — «Имеете новые свидетельские показания?» — «Нет». — «На чем же основана ваша позиция?» — «Мы ошиблись, а наши московские коллеги нас поправили». А дальше — Черняховская спецпсихбольница за ключей проволокой и обслуга из осужденных уголовников. Потом Белые Столбы, где заведующая отделением лично мне объяснила: «Для нас он прежде всего преступник, а потом уже больной».

Шесть с половиной из 16 последних лет жизни в стране Петр Григоренко провел в «психушках». И тем не менее в США он напишет: «Я часто задумываюсь, почему мне так тяжело в эмиграции. Я уехал бы на родину, даже если бы знал, что еду прямо в «психиатричку».

Георгий Морозов, в течение 32 лет (с 1957 г.) директор Института им. Сербского, член экспертной комиссии по Григоренко в 1969 г.:

«К той ситуации, которая сложилась в стране, люди относились по-разному. Некоторые — спокойно. Но не Григоренко. Ряд политических вопросов он ставил совершенно правильно — это мы уже с сегодняшних позиций так оцениваем, *post factum*. Но тогда его за это привлекли к ответственности. И у него развилась паранояльность, сверхценная идея. Когда ситуация разрешалась и он выходил отсюда или уезжал куда-то — все нормализовывалось.

Действительно, за несколько дней до нашей экспертизы в 1969 году амбулаторная судебно-медицинская экспертиза в Ташкенте признала его вменяемым. Но ведь в интервале между двумя экспертизами его держали в заключении. Он на это бурно реагировал и к нам попал уже в паранояльном состоянии.

Я хотел бы подчеркнуть: психиатры Института им. Сербского всегда искали истину. За своих людей я отвечаю, хотя знаю, что по стране были отдельные случаи злоупотреблений психиатрией. Я утверждаю также, что никогда КГБ не влияло на диагнозы, которые мы ставили в нашем институте.

А говорить можно все что угодно. В Институте им. Сербского психиатрия не использовалась в политических целях. Кстати, через нас проходило-то процентов 10 инакомыслящих. Что могло быть? Могли быть диагностические ошибки. Ну, скажем, пять из сотен — но это же еще не политика. Могли быть и различные точки зрения на заболевание. Если и бывали звонки, то не такие: «Признайте человека больным», а с просьбой ускорить дело, которое очень затягивалось. И еще: если бы Григоренко был признан здоровым, то получил бы срок. Есть, по-вашему, разница: сажают человека, особенно по антигосударственным статьям, в зону или — больница, антисоветчик он или же болен? Хотя мы давали объективную картину».

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

В конце 1977 года Григоренко с женой получили разрешение на полугодовую поездку в США к сыну и для лечения. Григоренко нуждался в срочной операции. По мнению сына Анатолия, советским врачам он не доверял, считал, что живым из-под ножа хирурга не выйдет. 13 февраля 1978 года Указ Президиума Верховного Совета СССР за подписью Брежнева и Георгадзе о лишении Григоренко гражданства «за действия, порочащие звание гражданина СССР», закрыл перед

бывшим генералом советскую границу.

Круг замкнулся. И, кстати, такое замыкание перечеркивает диагноз светил отечественной психиатрии. Как же мы лишаем гражданства человека за действия, за которые он не несет ответственности как неменяемый?! Через девять лет Григоренко умер в США в возрасте 80 лет. Его вдова живет в Нью-Йорке. В нью-йоркских издательствах изданы его книги.

Мы изменились... Пять лет назад КГБ потребовал от сына Григоренко, Виктора, живущего в Свердловске, сдать одну из книг отца, которая была у него дома. Еще пару лет назад у моих друзей мемуары генерала изымали на советской границе. Но вот в будущем году журнал «Звезда» начинает публиковать «В подполье можно встретить только крысы...» Сегодня можем мы, кающиеся перед народами за попрание их прав, отдать должное тем, кто защищал эти права, не дожидаясь благоприятной политической обстановки. Но разомкнуть круг и снять официальные ярлыки, приклеенные многим советским правозащитникам, все еще не удается. Это должны сделать те же официальные органы, кому в этом плане принадлежит авторство.

Из ответа Прокуратуры СССР на обращение Анатолия Григоренко по поводу реабилитации отца (1988 г.):

«...Проведение Григоренко П. Г. антисоветской агитации и распространение заведомо ложных измышлений, позорящих советский государственный и общественный строй, подтверждены собранными и исследованными доказательствами. Судебно-психиатрической экспертизой... он признан неменяемым. В связи с этим Ваш отец был освобожден от уголовной ответственности и направлен на принудительное лечение... Оснований для принесения протеста... и ЕГО реабилитации не имеется».

Но разве вся наша сегодняшняя жизнь с ее проирениями, признаниями не основание?

Наталья ГЕВОРКЯН.

-6P-

О МЕМУАРАХ ПЕТРА ГРИГОРЕНКО

Крымские обозрения

№ 23, 8 июня 1990 г.

5

Виктория ЧАЛИКОВА

НА ТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ...

О МЕМУАРАХ
Петра ГРИГОРЕНКО

НА УКРАИНСКОМ кладбище близ Нью-Йорка похоронен человек, чье имя раньше или позже будет внесено в святцы нашего народа — в святцах крымско-татарского народа оно уже есть. Любопытнейший ребенок, только по рассказам стариков знающий, что его родина Крым, скажет вам, что был и у его распятого народа заступник — Петро Григоренко, мощный, храбрый, усатый, как Тарас Бульба, геройский генерал — вся грудь в орденах. Его мучили, в дурдом сажали, а он не сломался, не предал. В конце жизни генерал Григоренко повторил судьбу защищенного им народа: был изгнан в чужие края. Ленинградская «Звезда» с первого номера этого года печатает сокращенный вариант мемуаров Петра Григоренко. До этого они выходили только в сам- или тамиздате под подлинным названием «В подполье можно встретить только крыс...».

Наверное, скоро прочитаем и мемуары друзей Григоренко: в выходящем сборнике «Апреля» о нем уже написал замечатель-

ный московский философ Григорий Померанц.

Я видела Петра Григоренко только издали и ничего не могу сказать о нем, кроме того, что написано в его книге. Но я знаю, что читаем мы все меньше: времени — в обрез, да и подустали, а между тем книга Григоренко несет нам вещь не только важную, но и сверхсрочную (сейчас дела такие, что день за месяц идет). Вот я и хочу привлечь внимание читателей к этой весте.

ДЕЛО В ТОМ, что Григоренко рос и мужал во времена уже легендарные и притом в легендарном краю — на юге Украины, в эпицентре гражданской войны. Он был очевидцем ее зарождения и невольным участником событий. Все, что случилось с ним потом — подвиг, мука, слава, ослепление, прозрение, — случилось тогда. Вся его будущая жизнь была сжата в том босоногом сиротском детстве, как в коконе, и в этом он повторил судьбу уже не только крымско-татарскую, но всемирную, вернее сказать — всемирно-народную судьбу.

Сегодня, когда «предчувствие гражданской войны» не только проговорено с разных трибун, но и озвучено рок-ансамблями — этим джукватим, вещим стоном нашего времени, — свидетельство такого человека, как Григоренко, бесценно.

Итак, минуя совершенно фантастические для современных родителей картины детства в украинском приазовском селе (трехлетний ребенок должен был с утра выгнать коров в стадо, а вечером встретить их и загнать в коровник, предварительно попоив, и задать корм на ночь... накормить свиней и кур, поднести бабушке все, что надо для приготовления пищи... прополоть огород!), откроем первую военную страницу: все-таки генеральские мемуары.

Ранняя солнечная осень 1918 года. Петру Григоренко 11 лет. Он переживает счастье трудной победы: прогнанный с экзаменов в реальное училище из-за нищеты своей одежды, он являет-

ся снова (кое-как приодетый доброй душой) и, ошеломив комиссию знаниями, проходит первым учеником. Ежедневные походы из села в Ногайск на занятия, уроки и их приготовление отнимают у него 10 часов, еще 6 — хозяйство; на сон остается мало, а вот на счастье — хватает. Он счастлив дружбой с

первым своим духовным наставником — отцом Владимиром, обогрет безоглядной преданностью сына священника Симки; горд снисходительным покровительством своего кумира — пятиклассника Павки.

В один день все меняется — и навсегда. В город входят белые (дроздовцы) и направляются к бывшей городской думе — ныне Ногайскому городскому Совету. «У здания толпился народ. Как я понял из разговоров, это были родные члены Совета, которые все до единого собрались в зале заседаний в ожидании прихода дроздовцев, чтобы передать управление городом в руки военных властей. Городской Совет Ногайска, как и подавляющее большинство Советов первого избрания, был

образован из числа наиболее уважаемых, интеллигентных, преимущественно замкнутых, а в селах — хозяйственных людей. Для них важнее всего был твердый порядок, и потому они не хотели оставить город без власти, даже на короткое время. Входившие в состав Совета двое фронтовиков до хрипоты убеждали своих коллег разойтись и скрыться на некоторое время. Они говорили: «Офицеры нас перестреляют». На это им отвечали: «За что? Ведь мы же власть не захватывали.

0/4

ГРИГОРЕНКО / 2 /

Нас народ попросил. Офицеры — интеллигентные люди. Ну, в тюрьме подержат для острастки несколько дней. А расстрелять...

Одиннадцатилетний мальчик, стоя в толпе, прислушивается к этим разговорам, пытаясь понять, как можно пристрелить человека ни за что. На попытки понять это уйдет вся его последующая духовная жизнь, и, как большинство мудрецов, он умрет, так и не разгадав загадки.

Их расстреляли. Погнали конвоем в Бановскую рощу; потом ударили враздобрь выстрелы, потом вернувшийся в город офицер разрешил родным забрать «советских прислужников». Скорбная процессия двигалась по городу — и мальчик в ней. Вдруг он увидел одного из угнанных на расстрел — учителя истории Новицкого. В парадной форме капитана русской армии с чetyрьмя «Георгиями» на груди (полный георгиевский кавалер) он чеканил шаг прямо к зданию Советов. Вошел в здание и через несколько секунд вылетел оттуда в разорванном кителе с сорванными погонами и крестами под оборную брань: «Ты еще учить нас будешь, большевистская подстилка! Права требовать! Я тебе покажу права!».

Через несколько секунд офицер с белой повязкой застрелил Новицкого на ступеньках думского крыльца. Оцепеневший мальчик пробудился при виде чудовищного преступления. Он бросился в родное село Борисовку, где председателем Совета был его дядя — тоже, как и отец Владимир, друг и наставник. Петро успел: не только в Борисовке, но и в других селах «советчики» убежали от дроздовцев. Но мальчик не думал о своем подвиге — он думал о Новицком. Опытный фронтовик, учитель истории сумел упасть на мгновение раньше, чем его достигла пуля, смог выбраться из трупов и вернуться домой. Родные на коленях умоляли его бежать. «Нет, — говорил он, — я не могу не идти. Ведь если никто их не остановит, они же пол-России перестреляют».

ЖИЗНЬ показала: никто не остановил. Но пол-России перестреляли уже те, кто победил дроздовцев, у кого в руках надолго застряла эстафетная палочка гражданской войны. По схеме жизнь должна была дать мальчику урок: остановить беззаконие и террор невозможно, только сам погибнешь зря. По жизни получилось наоборот:

мальчик решил — надо останавливать. (Эту его способность решать не по схеме, а по жизни наша доблестная психиатрия впоследствии определит как «вяло текущую шизофрению» и засадит заслуженного пожилого человека в спецпсихушку). Там, на ступеньках Думы, дыхание умирающего Новицкого навсегда вошло в душу ребенка. Иногда оно замирало, уходило — и тогда он сам увлекался потоком несправедливой борьбы (об этом с беспощадной честностью он расскажет в своей книге), но чаще дыхание Новицкого подымалось и вело его против потока. Григоренко сам пишет об этом так: «Гражданскую войну могли остановить только Новицкие. Сегодняшние правозащитники — прямые наследники и продолжатели дела Новицких. Они только могут остановить надвигающуюся мировую войну, наступление темных сил тоталитаризма».

Сегодня, когда темные силы войны и тоталитаризма усилиями правозащитников и волей здравомыслящих руководителей ми-

ровой политики приостановлены, но еще далеко не остановлены, нам очень важно разобраться в природе террора — и белого, и красного, и черного, и зеленого, и коричневого, и полосатого. Цвета — разные, а суть? Тут много еще иллюзий и предрас-

судков. Десятилетиями господствовала у нас одна, большевистская версия гражданской войны: красноезвездные рыцари революции, внешне суровые, но нежные и чистые душой, с компьютерной точностью ликвидируют только злодеев, а остальных спасают и защищают. Им противостоит пьяное, мутное, садистское белогвардейское отребье. Народ и передовая интеллигенция сразу и навсегда за красных против белых.

Публикации текстов, рассказывающих о чудовищном красном терроре, о расстрелах заложников, о расказачивании и раскрестьянивании, о геноциде, голоде, начисто смели эту версию. Свято место пусто не бывает. Проклято место тоже никогда не бывает пусто. Полуобразованность и неопытность легко переключили нас на другую легенду: лебединая стая рыцарей свободы — поручиков Голыциных и корнетов Оболенских, — с их тонкими лицами и чистыми душами, против озверевшей банды темных, «краснопузых» пьяниц и голодранцев.

Кто хочет знать правду — читайте Короленко. Читайте Григоренко. Не слушайте перебранку крайне левых и крайне правых. Читайте.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — тоже Украина, только северо-восточнее — Полтава. И на два года позже — июнь 1920-го. Пережито писателем Короленко уже столько при красных, белых, петлюровцах, батьках, махновцах, что непонятно: как еще бьется сердце — да и недолго ему осталось биться. Два года петиций, протестов, молений за осужденных — то в большевистских Чека, то в денкинских контрразведках. И вот некоторые итоги. Горький сравнительный анализ: «Большевики умеют» занимать город. «Каждый раз, когда они входили, быстро превращались грабежи и неистовства бандитов. Даже в последний раз, когда им предшествовали шайки настоящих бандитов, они скоро возобновили порядок, тогда как денкинцы открыто грабили еврейское население три

дня. Но затем, когда начинает действовать большевистский режим, с чрезвычайными, арестами и бессудными расстрелами, — это впечатленье скоро заменяется ненавистью и ожиданием новой перемены». («Короленко в годы революции», с. 259 — 260).

Короленко не дано было увидеть, как далеко зайдет красный террор. Петр Григоренко, на столетия его младше, дожил до самого развитого тоталитаризма и образ его запечатлел даже на тех страницах мемуаров, где речь идет о белом терроре, а не о красном:

«Да, плохо стреляли господа офицеры! Не привыкли еще уничтожать мирных жителей. И дело организовывали плохо. Среди бала дня, на глазах у всего народа. Нет, так давить народ нельзя. Так можно лишь ненависть к себе пробудить. Что и случилось. Запугать не залугами, а от добра отступились, и оно оружием не стало».

Развязывая руки алу, они не подумали о том, что их сметят те, кто алу не ограничивает, но и малоназ не выставляет, кто душит в застенках, душит «по закону», душит не единицами и десятками, а миллионами и десятками миллионов...».

Это говорит уже не одиннадцатилетний мальчик. И не сменивший его комсомолец Григоренко, лихо побежавший греть церковь (чтобы рыдать потом в отчаянном рассказании от хитрого взгляда и тикого слова отца Владимира). И не верующий коммунист-генерал (не стало отца Владимира, а жажда веры — осталась). Это говорит «всемирно известный» правозащитник, один из самых заклятых врагов тоталитаризма. И, возвращаясь к истокам, к тому солнечному осеннему дню 1918 года, к треску выстрелов в роще, к трупу на ступеньках, дает потомству показание: «Они развязали руки алу».

ГРИГОРЕНКО / 3

РЕГУЛЯРНУЮ войну белые начали первыми не потому, что были хуже красных, а потому, что в истории, как в шахматах, — за белыми первый ход. Власть отняли у них, армия была у них. Большевики не были пацифистами, но им невыгодно, нечем было начинать: революционный своим отрядам они цену знали. Поэтому они так радовались «триумфальному шествию советской власти» — эта строчка из учебника — исторический факт: после Октября 1917-го Советы образовывались по стране с такой же скоростью, как ныне народные фронты. Старые структуры власти падали одна за другой — без единого выстрела, как ныне обкомы. И вот тут важнейшую вещь сообщает нам Григоренко: не голландцы, не горлопаны избирались народом в Советы, а состоятельные, основательные, культурные люди. Специалисты, умельцы, георгиевские кавалеры. Те, на ком мир держится. Те, кого помещанье на власти или на идеологии революционеры и контрреволюционеры лукаво называют обывателями. А обыватели и есть люди, обыватели — те, кто хочет и может быть, кто хочет, чтобы жизнь — была. Они пошли служить не советской власти, а жизни и ее условию — порядку. Это слово сегодня так же бесстыдно опорочено, как и слово «принципы», о чем уже замечательно написал С. С. Аверинцев в своем прощальном слове Сахарову. С горечью отметил он, воспользовавшись заявлением Нины Андреевой: «Не могу поступиться принципами», все так и бросились наперебой отрезаться от принципов, как будто это стыдно и противоестественно — иметь принципы. А я недавно с ужасом наблюдала, как интеллигентные люди клеймят солдат и офицеров, телами своими заслонивших стариков и детей от насильников и убийц, только потому, что командующий потом сказал: «Армия пришла поддерживать власть и порядок». А какая паника поднялась недавно по поводу опубликованных результатов социологических опросов, показавших, что люди хотят в стране порядка. Значит, они — сталинисты Караул! Но ведь это и есть задача государства — поддерживать порядок, обеспечивать гражданину личную безопасность. Нормально, конечно, государства. (У тоталитарного государства другие задачи. Ему не до порядка: оно воспитывает «нового человека»).

Обыватель, не лишенный ни ностальгии, ни мечты, в основном живет в настоящем. Поэтому обыватель ненавидит и тем, кто хочет вернуть прошлое (бе-

лым), и тем, кому не терпится подласть в завтра (красным). Обыватели города Ногайска не интересовались идеологией коммунизма: они хотели посмотреть на его практику, а уж если практика коснется их жен и детей, разрушит их повседневный хозяйственный и нравственный уклад — тогда взяться за оружие. «Без политической свободы жить очень можно, — писал один великий обыватель, — без семейной неприкосновенности невозможно»*.

* А. С. Пушкин. Письма к жене. (Письмо от 3 июня 1834 г.).

ОБЫВАТЕЛЯМ важно было не то, что Дума теперь будет называться Советом, считаться великим человеком не Керенский, а Ленин, а идеалом станет не монархия и не демократия, а мировая коммуна. Нравственная интуиция подсказывала им, что это вещи относительные, и в ожидании практики они приняли от народа власть, чтоб защитить жизнь от смерти. А их стреляли те, для кого сладостен сам процесс уничтожения себе подобных — такой потенциал всегда есть в обществе; революция его только высвобождает. Расстрелы мирных жителей, погромы сопровождали сопротивление отстраненных от благ и власти классов. Белые начали первыми — потому что отняли у них, отняли против совести и закона (вспомнили ли сылаемые большевиками кулаки, как отнимали они в 1918-м землю и имущество у помещиков?), но спровоцировали их красные. Спровоцировали красным террором, законом о печати, запретом партий. Народ выбирал: кто менее опасен, от кого меньше зла — добра уж не ждали.

Как только красные перешли бы к террору (а это было неизбежно), народ поднялся бы против них. Но он не успел; белые опередили своим террором. Как сказал Григоренко: «от добра отступились».

В свете того осеннего дня в Ногайске обнаженно встают вопросы: почему белые проиграли гражданскую войну и почему

красные, как оказалось, ее не выиграли? По идеям своим белая армия не была защитницей самодержавия: Деникин и Колчак принимали российскую демократию. Они шли защищать ценности свободы, имущества, защищать национальные святыни, церкви. И они первыми проиграли. Почему? Один ответ мы слышали уже от политологов: нашему народу нормальная жизнь не нужна, а нужна балаболка, пьянка да вечный дележ чужого кармана. Это — по схеме. А писатели свидетельствуют дру-

гое. Да, части народа нужна не жизнь, а ее имитация в вечной гражданской войне — это мы и сейчас видим, — но часть эта не концентрируется по одну сторону баррикад — она по обе. Мерзкие инстинкты и фанатизм были развязаны и в красном, и в белом стане.

Еще свидетельство Короленко: «Я признаю, что среди того сплетения страшных ошибок, от которых погибает достоинство, честь, международное положение и благосостояние России, — есть много не одних большевистских ошибок. Есть и другие, в том числе и социалистические. Но все-таки самым главным источником этих бедствий я считаю слепую реакционность прежнего строя. ...Теперь всюду, в том числе и в массах, появляется естественная здоровая реакция» (там же, с. 113, запись 1918 года).

Здоровая реакция наступила в

1918-м — на погромы, на разор крестьян, на расстрелы Советов. Народ отшатнулся от белых. Побожало в Красную Армию самое талантливое офицерство. Отворачиваться стала интеллигенция. Потом, когда показали свое лицо красные, отшатнулись и те красных. Но поздно было: от уже укрепились и кадрами, и общественным мнением. А главное — за страшные годы народ устал, пал духом, разложился, сопротивление красным было обречено уже по времени своего начала.

БЕЛЫЕ первыми начали и первыми проиграли. Вторыми проиграли красные. Страшное был их проигрыш. Выжили, затанцовались, кое-какие обыватели, выжили бежавшие в Париж и Константинополь белогвардейцы. Выжила в эмиграции великая философия, литература, живопись. Красная же гвардия погибла почти вся — по Лубянкам, по лагерям. Все полководцы гражданской, все комиссары ее, все трубачи и знаменосцы.

ГРИГОРЕНКО / 4 /

Сказано: грехи наши горят страданиями. Грех был велик, но так непомерны и страдания, что уж давно бы пора поставить общий красно-белый памятник — как в Испании. А пока только страшно звучат неожиданно обернувшиеся строки поэта:

«Пускай нам общим памятником будет постронный в боях социализм»...

И еще у Григоренко видно: есть некая двухфазовость в народной морали. Сначала круши-дави: ничего не жалко. Как у Пушкина в «Годунове» — мужик на амвоне: «Народ, народ, в Кремль! В царские палаты! Ступай! Вязать Борисова щенка!».

Связали, убили. Ну, что ж ты, народ, кричи:

«Да здравствует царь Димитрий Иванович!».

Народ безмолвствует.

Декабристы, вскормленные крепостными кормилицами, знавшие с детства всякий сельский труд, знали и об этом парадоксе народной морали. Планируя царевубийство, постановили: исполняющему — сразу и себя убить; народ ему не простит крови — даже если сам хотел — не переступит.

Как не подумать, читая мемуары, что гражданская война была искупительной жертвой нашего народа истории. Всей истории — не только нашей. Ведь все войны — гражданские, все — братоубийственные (или француз русскому не брат?). Как хочется думать, что гражданская война, начавшаяся 70 лет назад (история знала и Столетнюю войну), кончается, что Фергана, Баку и Карабах — ее последние вспышки...

----- MM

РАССКАЗЫВАЕТ ЗИНАИДА МИХАЙЛОВНА ГРИГОРЕНКО

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» ● 20 ИЮЛЯ 1990 г.

Без права лечь в родную землю**«Сумасшедший генерал» — так в течение 25 лет называли****Петра Григоренко советские официальные лица**

На украинском кладбище, неподалеку от Нью-Йорка, лежит человек, имя которого многие из нас с вами узнали только в нынешнем году. 33 года жизни отдал он армии. Фронтвик, блестящий специалист своего дела. В 1964 году последовал первый арест, помещение в «психушку», исключение из партии, из списков офицерского состава. В 1965 году вышел на свободу, потом опять арестован, помещен на принудительное лечение. Всего в «психушке» провел шесть с половиной лет. В 1977 году выехал в США к сыну на лечение, а 13 февраля 1978 года Указом Президиума Верховного Совета СССР, подписанным Брежневым и Георгадзе, лишен гражданства «за действия, порочащие звание гражданина СССР».

Суровую, тревожную жизнь прожил генерал — и так же сурово, резко написал о ней в книге воспоминаний «В подполье можно встретить только крысы». Но есть в воспоминаниях образ, для которого в палитре холодных цветов нашел он светлые краски. Образ жены и друга, разделившей все трудности, на которые добровольно пошел опальный генерал.

Отложив в сторону прочитанную книгу, открыла телефонный справочник Нью-Йорка, нашла нужный номер, и женский голос ответил мне по-русски...

...Зинаида Михайловна заметила, что я смотрю на ее руки с тяжелыми, стертymi бесконечной стиркой пальцами.

— Была здесь как-то у доктора, а он мне сказал: «Госпожа Григоренко, а мне говорили, что вы генеральша?»
«Да, — отвечаю, — совершенно верно». — «Но руки-то у вас

прачки». — «И прачка я, десять лет работала прачкой». Как ему объяснить... Арестовали первого мужа — он был заместителем у Куйбышева, так и сгинул в застенках. Потом и меня посадили — как жену «врага народа». А потом из-за меня Григоренко сняли с высокой должности: биография у жены, видите ли, неподходящая. Замкнутый круг! Вот и работала я прачкой, особенно когда Петра Григорьевича звание лишили и от пенсии рядового он отказался... Жить-то было надо, у нас ребят пятеро.

Из воспоминаний П. Григоренко: «С семьей прощался, с женой любимой. Не пройдет мне даром это выступление, как она останется без меня и без привычной среды. Страха не было. Но было хуже страха. Жалость к близким людям. Жалость опустошающая, когда стоишь рядом с люби-

мым человеком, видишь его муку и помочь ему не можешь».

— Из книги Петра Григорьевича понятно, что в тот день, 7 сентября 1961 года, отправляясь на партконференцию Ленинского района Москвы, он вам ничего не сказал о своем предполагаемом выступлении...

— То было как раз в день рождения нашего младшего сына Андрюши. Собрались все, ждем — отца нет. Пришел он лишь на следующий день. Я сижу на диване, еще ни о чем не знаю. Прощел Петро молча в другую комнату, чем-то грохнул, и все стихло. Не выдержала, захожу, а он лежит на полу без сознания. Дотащила до дивана, привела в чувство, он мне все рассказал. Честно сказала ему, что, если бы он со мной посоветовался, я бы рекомендовала ему не выступать...

РАССКАЗЫВАЕТ ЗИНАИДА МИХАЙЛОВНА ГРИГОРЕНКО

Сейчас Петра Григорьевича вспоминают все больше как защитника прав крымских татар. Это так и не так. Уже позже он взялся им помогать, и за это получил даже меньшее наказание, чем за свои первые выступления. Когда я сейчас перечитываю все сказанное им на партконференции, думаю: как это все наивно! Но ведь он первый во всеуслышание заявил, что существует опасность возрождения культа личности, потребовал демократизации партии, свободных выборов, призвал к возврату к ленинским принципам.

Что началось после того выступления! Представь, на следующий день редактор «Правды» проинформировал членов редколлегии о том, что Хрущев ознакомился с текстом выступления Григоренко и назвал его «ударом ножом в спину».

Разбирались, разбирались с Петро, и решили перевести его из Военной академии имени М. В. Фрунзе на Дальний Восток. Но он и там не утихомирился: связался с сыновьями, создал «Союз борьбы за возрождение ленинизма». Стали они листовки писать и во время его приезда в Москву распространять у проходных больших заводов. Арестовали.

Из воспоминаний П. Григоренко: «Беспокоил меня вопрос «о расстреле рабочей демонстрации в Новочеркасске. Я ожидал, что меня спросят: «Откуда вы взяли, что в Новочеркасске в кого-то стреляли?...» Я абсолютно верил всему, что рассказал мне человек, видевший все своими глазами. Но я не мог сослаться на этого человека...»

— Как Петр Григорьевич узнал о расстреле в Новочеркасске? Наш друг Митя Чер-

ненко, работавший, кстати, в «Комсомолке», привел однажды к нам человека, который представился как инженер Николаев из Новочеркасска. Он и рассказал о расправе. Петро вскопчил, заметался по квартире. Все повторял: «Нельзя молчать!». Так появилась листовка о событиях в Новочеркасске.

Меня вызвал следовательно КГБ Георгий Петрович Кантов и говорит: «Зинаида Михайловна, вы знаете, в чем обвиняется Петр Григорьевич? Он нарушил военную присягу. А вы знаете, что за это бывает?» Молчу. Кантов повторяет, но я и говорю: «Неужели вы такой несмелый, что не можете произнести одно слово. Так я его скажу: «Расстрел!».

По делу Петра вызывали свидетелей — порядка сотра человек, чтобы они дали против него показания. И 39 из них генерала Григоренко отрекомендовали достойнейшим образом. А когда опальный Петр только уезжал на Дальний Восток, перрона не было видно от папах и шинелей, столько народу пришло его проводить... Власти, по моему, поняли, что авторитет Григоренко в армии велик. И с этим шутить не стоит. Тогда и решили пойти по другому пути — объявить его сумасшедшим. В августе 1964 года муж попал в ленинградскую специальную психиатрическую больницу. А в апреле 1965-го пригласили меня на заседание Военной коллегии по его делу. Рядом со мной сидел Николай Николаевич Тимофеев. Когда пришла его очередь давать заключение по делу, достал он из кармана партбилет и говорит: «Кто носит честно свой партбилет, так это генерал Григоренко. Он совершенно здоров».

Военная коллегия постановила тогда ходатайствовать перед больницей о выписке. Вот только одну ошибку мы совершили. Профессор спросил Петра: «Как освободиться будем: по выздоровлению или с отменой диагноза?» Муж в ответ: «А как ближе к дому?» — «По выздоровлению».

Из воспоминаний П. Григоренко: «Моей жене тоже советовали уговорить меня «рассказаться». И совет этот давали люди, мною очень уважаемые и мужественные, которые сами вряд ли пошли бы на раскаяние, но они не считали себя вправе требовать того же от старого и уже достаточно травмированного жизнью человека. Я очень благодарен жене, что она не довела эти советы до меня».

— Зинаида Михайловна, все те 16 лет, которые ваш муж отдал правозащитному движению, что вам давало силы бороться?

— Иногда думала, что не выдержу. Когда Петра бросили в черниковскую спецпсихбольницу, долго не давали свидания, а потом меня пустили, и он мне успел показать — тело у него было в язвах. Его стали уводить, потащили, а он кричал, что из камеры даже по нужде две недели не выпускают, и белье не меняют. Вышла, думала — утоплюсь. Что остановило? Ты видела моего сына Олега? У него генетическое заболевание, словно бы ему всегда 8 лет. Кому он нужен без меня? И кому был бы нужен Петро?

— Как вы жили в США?

— Сын помогать нам тогда не мог — сам недавно устроился на работу. В то время нас очень поддержали Солженицыны. Жена Александра Исаевича приехала и вручила две тысячи долларов. Заплати-

РАССКАЗЫВАЕТ ЗИНАИДА МИХАЙЛОВНА ГРИГОРЕНКО /3/

ли за квартиру, я устроилась уборщицей. Петро — ночным сторожем. Помогали нам и живущие здесь крымские татары, они на мужа просто молились. А однажды Петра пригласили в Пентагон, отвезли в военную академию, предложили профессорскую должность с окладом в 50 тысяч долларов. Смотрю, приехал домой он какой-то скисший, все рассказал и говорит: «Я отказался. Сказал им, что при нынешних убеждениях не могу учить других стрелять в других».

Я, конечно, на него немножко рассердилась, но знала: Петро от своих принципов никогда не откажется. Потом на Западе начали издавать его книги, и жизнь пошла полегче.

Из ответа Прокуратуры СССР на обращение сына генерала Григоренко по поводу реабилитации отца (1988 год):

«...Проведение Григоренко П. Г. антисоветской агитации и распространение заведомо ложных измышлений, позорящих советский государственный и общественный строй, подтверждены собранными и исследованными доказательствами. Судебно-психиатрической экспертизой... он признан невменяемым. В связи с этим ваш отец был освобожден от уголовной ответственности и направлен на принудительное лечение... Оснований для принесения протеста... и его реабилитации не имеется».

— А что, Зинаида Михай-

ловна, если бы разрешили завтра возвратиться — поехали бы назад, домой?

И седая женщина впервые за наш многочасовой, трудный, словно опущенный в ледяную воду прошлого разговор заплакала.

— Поехала бы! Не хочу уходить в эту землю... И Петро не хотел. Перед смертью все повторил: «Зин, отправь меня хоть контрабандой на Родину, там хочу лежать». Я и паспорт ему советский в гроб положила — нет и не было у него другого... Раньше вернуться было нельзя, вот сейчас хочу узнать, можно ли хотя бы поменять паспорта — у нас с Олегом просроченные. Но сказали, что надо в посольство в Вашингтон ехать, хлопотать.

...Почему, принимая сегодня такое множество законов, мы не начали с главного: не записали большими буквами, что ни у кого нет права лишать человека Родины? Ибо что такое право на то, чтобы жить, дышать, говорить, знать свою историю без земли, где ты родился. На этой самой Родине возвращаются в края своих предков крымские татары, и партия ищет себя в обновлении, и канули в Лету культы Брежнева и Хрущева — разве это не основание для того, чтобы вернуть доброе имя человеку?

Е. ОВЧАРЕНКО.

(Наш соб. корр.).

Нью-Йорк.

85

К ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ СОФЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ КАЛИСТРАТОВОЙ — АДВОКАТА
ПРАВООЩИТНИКОВ 60—80 ГОДОВ

«Без паники»

Скоро год, как в Москве, 5 декабря 1989 года, ушла в лучший мир адвокат Софья Васильевна Калистратова.

Адвокат? Нет, эпоха 60—80-х годов. Все лучшее, что было в правозащитном движении, воплотила в себе Софья Васильевна. Какой она адвокат — говорить не буду. Достаточно фразы, сказанной в ее адрес: «Если бы в адвокатуре не было Калистратовой, это значило бы, что там нет мужчин». Софья Васильевна была другом не только своих подзащитных, но и их семей. Это она помогала матерям и женам стоять и выстаивать в этой борьбе. А для нашей семьи, семьи Григоренко, она стала родным человеком.

В 1969 году, в мае месяце, мой муж — Петр Григорьевич Григоренко — выехал в Ташкент по просьбе тысяч крымских татар с тем, чтобы выступить на судебном процессе по делу крымских татар в качестве общественного защитника. Ступив на ташкентскую землю, он был тут же арестован. Софья Васильевна немедленно принялась за дело. Первое, что она потребовала, — перевести мужа в Москву.

Потом от крымских татар мы узнали, что муж объявил голодовку. Обсудив с Софьей Васильевной создавшееся положение, они решили уговорить его отказаться от голодовки, учитывая возраст, болезни и второе заключение. Но как это сделать? Он находился за три тысячи километров от нас. Софья Васильевна решительно встала и сказала: «Я еду. Я его адвокат, добьюсь свидания». И она

тут же вылетела. Спустя пять дней, вернувшись из Ташкента и придя ко мне, сказала: «Порядок», — и шепнула: «Проводите меня» (знала, что квартира прослушивается). На улице Софья Васильевна толкнула мне за борт пальто сверток с наказом: «Идите, читайте».

Читала письмо, и пол уходил из-под ног, так как муж писал, что под видом «кормления» его избивают, особенно один опричник старается душить. Боль за мужа, негодование сменились страхом за Софью Васильевну. Встретила меня Софья Васильевна с улыбкой и со словами: «Без паники». Заикаясь, говорю: «А вы? А вы?» — «А что я? Где у них улики против меня? А теперь — ваша работа, и мой свидетель — вы. А вы — крепень и знаете, что надо делать». Помчалась с письмом к Татьяне Великановой. Вытащив на улицу, рассказала, в чем дело. Но даже Татьяне не сказала, кто вручил мне письмо. А она — умница — и не расспрашивала. Кому-то звонила, а дальше повела меня в какой-то дом (адреса не помню). Вооружившись копиркой и бумагой, Таня и приглашенные девушки сели за работу. Письмо было на семнадцать страниц: когда оно было пущено в самиздат, оно называлось «Короткая хроника».

Мы с сыном Андреем собрали на дому пресс-конференцию. Было двенадцать корреспондентов и друзья. Во время чтения документа на их строгих и сосредоточенных лицах было возмущение. Каждый корреспондент, получив документ на руки,

пустил его в свет. Спустя три дня последовали вызовы наших друзей, но те ничего не могли сказать, так как действительно не знали источника. Вызывали и меня, ну, а с меня «взятки гладки». При всех вызовах я всегда говорила только одну фразу: «Одного мужа убили, выпустите другого». Вызов закончился тем, что мне пригрозили «изменить жилплощадь». Но овладевшая мною священная ярость освобождала меня от страха...

В итоге муж оказался дома. После этого я спросила Софью Васильевну: «Ну, а если бы вас уличили, что бы вам было?» А она, мило улыбаясь, ответила: «Ничего. Лишили бы адвокатуры и арестовали». Без страха и сомнения за свободу других она могла заплатить собственной свободой. И итоге она стала членом московской Хельсинкской группы.

За восемь месяцев до смерти, в интервью газете «Московские новости» Софья Васильевна сказала: «Если бы мне тогда предложили выбор «Запад или Восток», я бы выбрала Восток, то есть «в несчастье я с моим народом». Немолодая, с большими семейными заботами, она никогда никому не отказывала в помощи. И даже больше: старалась наблюдать, на кого КГБ готовит петлю, и тут же встать рядом.

Заканчиваю словами Рылеева:

«Подвиг воина гигантский,
И стыд сраженных им врагов,
В суде ума, в суде веков — ничто
Пред доблестью гражданской».

Склоняем головы перед Софьей Васильевной с болью в сердце, с памятью на всю жизнь.

Зинаида ГРИГОРЕНКО,
сыны — Андрей и
Олег ГРИГОРЕНКО.
Так же любим и скорбим:
Микола РУДЕНКО и
Раиса РУДЕНКО,
Мария ПЕТРЕНКО и
ПОДЪЯПОЛЬСКИЕ,
Татьяна ОСИПОВА,
Иван КОВАЛЕВ.
г. Нью-Йорк,
США.